

А.Н. Ямсков

Прощай, Закавказье!

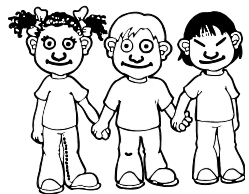

писанные выше «с бытовой стороны» два крупных экспедиционных научных проекта сектора этноэкологии продолжались в Закавказье с конца 1970-х до рубежа 1980-х - 1990-х гг. Конечно же, они принесли довольно внушительные непосредственные научные результаты в виде подготовленных участниками монографий и научных сборников, журнальных статей и диссертаций*. Тем не менее даже на сегодняшний день еще не всю проблематику экспедиционных исследований нам удалось в должной мере отразить в публикациях. У ряда сотрудников сектора этнической экологии остались полевые материалы из Закавказья, которые еще послужат основанием для их новых научных докладов, статей или глав монографий и сборников.

Также не будет преувеличением сказать, что именно экспедиции к долгожителям и русским крестьянам-старожилам Закавказья (молоканам и духоборцам) окончательно сформировали из многих авторов этой книги специалистов-этнологов, ибо таковы особенности нашей науки - только полевые исследования и личный опыт общения с представителями изучаемой этнокультурной группы населения превращают получившего соответствующие теоретические знания выпускника вуза либо аспирантуры в профессионального ученого-этнолога. Так что не будет преувеличением сказать, что дальнейшая

научная карьера большинства из авторов данной книги будет в действительности во многом определяться тем, что именно увидел каждый из нас в этих закавказских экспедициях и как увиденное было осмыслено.

Наконец, что тоже отнюдь не маловажно, все мы вынесли из поездок по Закавказью огромный заряд поло-

жительных впечатлений от контактов с дружелюбными и гостеприимными народами, с прекрасной и разнообразной природой края. Благодаря экспедициям мы также смогли гораздо лучше узнать и понять своих коллег

по сектору и Институту, ощутив подлинное товарищество в среде близких по духу и работающих над одной увлекательной темой людей. Эти поездки, редко когда обходившиеся как без веселых приключений, так и неожиданных и неприятных накладок, позволили нам полнее и точнее разобраться в самих себе.

Все эти и некоторые другие соображения, осознанно или неосознанно, предопределили очень теплое и эмоциональное отношение большинства участников экспедиций к описанным в книге поездкам, которые стали одними из самых интересных и позитивно окрашенных страниц наших научных биографий. Хочется надеяться, что авторам книги в той или иной степени удалось передать читателю все эти положительные эмоции и неподдельный интерес, которые вызывали у них экспедиции по Закавказью, равно как и вполне понятную и извинительную ностальгию по тем временам и легкую грусть, что все это осталось в прошлом.

Однако воспоминания о полевых исследованиях сектора этноэкологии в Закавказье, которым мы с энтузиазмом предавались на страницах этой книги благодаря

оригинальному предложению профессора Виктора Ивановича Козлова написать к 20-летнему юбилею организованного им 15 октября 1981 г. сектора этнической экологии о повседневной стороне работы и жизни сотрудника этнографической экспедиции, вызывают не только светлые чувства благодарности судьбе и выбранной профессии за этот бесценный опыт либо легкой печали о прошедшей в интереснейших путешествиях и оставшейся в прошлом молодости. К сожалению, подобные воспоминания приносят и вполне отчетливое чувство горечи, когда невольно задумываешься о том, в какой обстановке и почему именно прекратились подобного рода крупномасштабные многолетние экспедиции.

В качестве примера сошлюсь на собственный опыт участия в последнем экспедиционном выезде, выполненном в рамках проекта сектора этноэкологии по изучению адаптации русских крестьян-старожилов, который проводился в октябре - ноябре 1992 г. уже на российских территориях Северного Кавказа среди молокан - давних (с начала 1920-х гг., когда Карская область бывшей Российской Империи уже отошла к Турции) и совсем недавних переселенцев из республик Закавказья. В этой поездке как в своеобразном зеркале в полной мере отразились все те драматические перемены в СССР начала 1990-х гг., которые и предопределили окончание подобных экспедиций - развернувшиеся на Кавказе межэтнические столкновения и в целом резкое снижение безопасности поездок по стране, кардинальное свертывание бюджетного финансирования науки в целом и экспедиций в частности, принципиальные изменения в приоритетности научных тем и в интересах самих исследователей.

Безопасность.

Если до начала 1980-х гг. Кавказ ассоциировался у большинства жителей страны с курортами и туризмом, то уже к концу «перестройки» былая «всесоюзная здравница» превратилась в арену кровавых межэтнических конфликтов и войн. Напомню читателям, что именно летом 1992 г., то есть всего через полгода после оформленного серией международных договоров юридического исчезновения СССР с политической карты мира, межэтнические конфликты и столкновения на Кавказе переросли в

крупномасштабные боевые действия как в Абхазии, так и в Нагорном Карабахе и вдоль большей части границы между Арменией и Азербайджаном. Во внутренних районах Грузии летом того года продолжалась гражданская война, и только в Южной Осетии война к этому времени уже фактически закончилась. Более того, во время последней экспедиции мы выехали из г. Владикавказа - столицы Северной Осетии в г. Ставрополь 21 октября, а 19 октября 1992 г. еще работали у молокан села Михайловское Пригородного района этой республики. Но уже 30 октября там начались массовые осетино-ингушские столкновения, переросшие 31 октября в военные действия в Пригородном районе с участием вооруженных сил Минобороны и МВД Российской Федерации, поддержавших силовые ведомства республики Северная Осетия и отряды добровольцев-осетин.

Очевидно, что выполнение научных исследований в подобной обстановке невозможно хотя бы уже потому, что люди в такой ситуации вовсе не склонны вспоминать какие-либо детали своей повседневной жизни в прошлом, историю своей семьи, молоканской общины или селения и т.п. Требования обеспечения безопасности сотрудников

экспедиции также не позволяют выезжать в подобные районы относительно большими группами неподготовленных к действиям в экстремальной обстановке исследователей.

Этого внешнего обстоятельства - развернувшихся на Кавказе межэтнических конфликтов и столкновений - самого по себе было бы уже вполне достаточно для прекращения экспедиционных исследований по нашей проблематике отвлеченно-академического характера. Тем не менее отнюдь не только данная очевидная причина оказалась существенной для свертывания наших научных проектов.

Например, мне и большинству моих коллег пришлось работать в составе отрядов сектора этноэкологии в молоканских селениях в Азербайджане, Армении и Грузии в 1989-1990 гг., когда карабахский конфликт был в разгаре и уже привел к погромам армян в Сумгаите, массовым изгнанием армян из Азербайджана и азербайджанцев из Армении, а в Грузинской ССР уже прошли столкновения в Абхазии и Южной Осетии. Обстановка тогда была уже достаточно напряженной - в частности, в моих полевых дневниках и в памяти остались такие малоприятные воспоминания, как вполне, впрочем, корректный обыск нашей машины на автотрассе Ереван-Казах-Тбилиси патрулем добровольцев-азербайджанцев при въезде в Азербайджан из Армении 16 июня 1990 г., причем местная азербайджанская милиция на стоявшем здесь же посту ГАИ никак не отреагировала на это судя по всему постоянно повторявшееся событие.

Раннее схожий и еще менее приятный случай был с нами в г. Евлахе (центральные районы Азербайджана) 13 сентября 1989 г., когда на бензозаправочной станции нашу машину взялась осматривать большая и плохо органи-

зованная группа азербайджанцев с палками и стальными арматурными прутьями в руках во главе с довольно мрачным здоровенным субъектом, как показалось, находившимся по воздействию наркотиков. В сотруднике отряда Дмитриии Попадюке - студенте-антропологе из Москвы - они заподозрили было армянина из-за его темно-русых волос и бороды, и нам стоило немалых трудов их успокоить и объяснить, кто мы такие, откуда и зачем приехали.

В той же самой поездке мы пытались посетить старинное молоканское село Русские Борисы, дорога куда шла через г. Шаумяновск - райцентр граничащего с Нагорным Карабахом района, территория которого была впоследствии провозглашена частью Нагорно-Карабахской Республики и где симпатии армянского населения были, естественно, всецело на стороне карабахских армян. К тому же в этом райцентре Азербайджана буквально накануне нашего приезда местный шофер-армянин случайно сбил на шоссе девушку-азербайджанку, так что обстановка в Шаумяновском районе в те дни была крайне накалена - его равнинная часть с азербайджанским населением была отделена от горной части, заселенной армянами, постами внутренних войск СССР с боевым оружием и бронетранспортерами, а не-вдалеке от солдат на дорогах стояли еще и отряды добровольцев (с одной стороны - азербайджанцев, с другой - местных милиционеров-армян и их помощников в гражданской одежде). Так что 14 сентября 1989 г. нам пришлось преодолевать три последовательных досмотра при проезде в Шаумяновск, а потом еще и при возвращении оттуда. В тот раз, кстати, мы в Русские Борисы так и не поехали и просто отказались от исследований в этом старинном молоканском горном селении, ибо было бы странным расспрашивать жителей, невольно оказавшихся

в эпицентре разворачивающейся, как тогда все в Закавказье говорили, «армяно-азербайджанской войны», по медицинской, демографической или историко-этнографической программам.

Нельзя, однако, не сказать, что даже в те годы отношение местного населения к приехавшим из Москвы русским ученым в целом было вполне доброжелательным. Каждая из сторон пыталась нам объяснить справедливость своей позиции и неправоту противоположной стороны конфликта, хотя при этом в большинстве случаев ругала власти СССР за их политику пассивности или поддержки противников. В частности, вспоминается опять-таки Азербайджан - г. Баку, где 6 августа 1989 г. с Владимиром Александровичем Большаковым и Мариной Юрьевной Мартыновой я побывал на многотысячном митинге протеста оппозиции у Дома Правительства, причем это был уже третий день общереспубликанской забастовки и массовых митингов азербайджанцев из-за событий в Нагорном Карабахе. Но и здесь, среди огромной и разгоряченной толпы, мы не чувствовали какой-либо враждебности или угрозы для себя лично.

Однако проблемы с безопасностью поездок в конце 1980-х - начале 1990-х гг. возникли далеко не только в Закавказье или в других регионах межэтнических столкновений и потому вовсе не сводятся к их последствиям. Быстро ухудшавшаяся по мере деградации и распада Советской власти криминальная обстановка привела к достаточно частым случаям грабежей водителей на дорогах при ночевках даже в центральных районах страны. Я прекрасно почувствовал эти изменения на себе.

Например, еще в середине 1980-х гг. при перегонах автомашины в Закавказье или обратно мы с водителем старались встать на ночь, достаточно далеко отъ-

ехав от шоссе и выбрав место для раскладушек (на юге) в тихом месте на берегу реки у края леса. Так мы поступали в том числе и на территории Чечено-Ингушетии или Дагестана, как это было, например, с Юрием Воронецким 8 июня 1986 г. под г. Грозным или 1 октября 1986 г. под г. Кизилюртом. Точно так же, впрочем, делали и почти все другие шофера, а не только водители Экспедиционной автобазы АН СССР, если только погода и их грузовики позволяли им съехать на проселки. Но уже 3 - 8 сентября 1990 г., когда мы с Юрием Щитовым возвращались в Москву с Алтая, нам приходилось в течение всей этой долгой поездки ночевать в кузове нашей машины прямо на постоянно шумной автотрассе - рядом с постами ГАИ на специальных стоянках для отдыха водителей-«дальнобойщиков», ибо оставаться на ночь в безлюдном месте стало просто опасно.

Вероятно, по той же самой причине не только в Закавказье, но и в других регионах тогда уже нельзя было бы спокойно останавливаться на пару дней отдыха небольшим отрядом в малолюдных живописных местах, что мы так любили прежде делать на берегах Черного или Каспийского морей, озера Севан или Тбилисского водохранилища.

Резкое падение государственных вложений в науку в начале 1990-х гг. общеизвестно и вряд ли нуждается в дополнительных комментариях. Стоит лишь отметить, что в первую очередь пострадало, а на время и вовсе прекратилось финансирование экспедиций, прежде всего аренды автотранспорта, покупки бензина и проезда сотрудников в регионы полевых работ.

В частности, упомянутый мною выше выезд осенью 1992 г. к молоканам на Северный Кавказ показателен тем, что он проходил впервые без машины, и мы переезжали по Северной Осетии и Ставрополью на автобусах и местных поездах и электричках, таская на себе и запасы тушенки. Кстати, в тот раз мы и не смогли выкупить через Институт этнографии АН СССР ничего более из продуктов питания для экспедиции, тогда как в 1980-ые гг. нашим отрядам выдавали не только тушенку, но и дефицитные в те годы сгущенку, гречневую крупу, а иногда еще и топленое масло, копченую колбасу и чай - тот самый «индийский со слоном». Впрочем, с первой половины 1992 г. само понятие дефицитных продуктов питания и их распределения для нужд экспедиций через хозяйственные службы академических институтов кануло в Лету, сменившись, однако, уже в принципе непреодолимым дефицитом денег из-за резкого роста стоимости продовольствия и проезда.

С сокращения финансирования в конечном счете были связаны и другие неблагоприятные изменения в организации экспедиций. Так, если ранее, по крайней мере на моей памяти, сотрудники ежемесячно сменявших друг друга отрядов сектора этноэкологии попадали в Закавказье на самолете и возвращались в Москву также с помо-

щью авиации, то в этот последний выезд нам ради экономии пришлось возвращаться из г. Ставрополя уже поездом в плацкартном вагоне.

Немаловажный вопрос - размеры «полевого довольствия» сотрудников экспедиции. Помнится, в 1980-е гг. оно было весьма скромным, существенно уступая командировочным. Во время командировки в начале 1980-х гг. мы получали в день, дополнительно к зарплате, 2 рубля 60 копеек + 50 копеек «квартирных» (при ночевке в городе или в дороге без предоставления счета из гостиницы), но затем в середине 1980-х гг. эти выплаты повысили до 3 руб. 50 коп. и 1 руб. соответственно. Однако командировочные оформлялись нам только на дни переездов между районами работ или на время проезда на Кавказ и обратно.

В основное же время, при проведении исследований в сельской местности, мы получали «полевые» - в большинстве случаев всего 1 руб. 75 коп. - 1 руб. 80 коп. в сутки (в зависимости от количества дней в месяце), то есть 60% от базового оклада рядового сотрудника экспедиции. Все три республики Закавказья имели этот понижающий коэффициент в 60%, но при работах на высотах 1700 - 2000 метров над уровнем моря (например, в Духоборье - бывшем Богдановском районе Грузии в мае - июне 1988 г.) этот коэффициент поднимался до 100%, а на еще больших высотах - и до 125% (как это было в отряде Вениамина Павловича Кобычева в Верхней Сванетии в июне 1986 г.). Если в отряд нанимали человека со стороны, например, студента, то ему также выплачивали в Москве базовую ставку лаборанта-исследователя (85 рублей

в месяц) и начисляли с нее дополнительно полевые или командировочные¹.

Весь это арифметический экскурс в былые бюджетные тонкости был нужен для того, чтобы пояснить очень простую вещь - в экспедиции наши расходы на питание, как правило, укладывались в полевые и командировочные выплаты, причем очень небольшие суммы (в пределах нескольких рублей за месяц) иногда даже от них оставались, несмотря на устраивавшиеся в складчину из этих же средств скромные «банкеты» в начале и в конце работ отряда. В Москве же за это время нам начислялась обычная наша зарплата, остававшаяся таким образом нетронутой.

Однако в мой последний выезд к молоканам на Кавказ осенью 1992 г. ситуация оказалась иной - нам пришлось постоянно экономить на питании, ибо даже командировочных (!) уже явно не хватало на завтраки и обеды в обычных городских столовых. При выезде в ту экспедицию мне пришлось также впервые отказаться и от заказа в Москве такси на дом для поездки в аэропорт (с вещами, консервами и т.п.), хотя ранее это обходилось всего в 7 рублей. Таким образом, условия жизни во время полевых работ существенно ухудшились и официальные дополнительные выплаты на их проведение перестали покрывать реальные минимально необходимые расходы исследователя.

Научные приоритеты.

¹ Для сравнения напомним, что младший научный сотрудник с кандидатской степенью получал в середине 1980-х гг., в зависимости от стажа, 140 - 180 рублей в месяц, а авиабилет Москва - Баку стоил тогда ровно 40 рублей.

Хотя и упоминаемая в последнюю очередь, эта причина тоже сыграла свою весьма весомую роль в окончании наших исследовательских проектов, базировавшихся на коллективных полевых этнографических работах в Закавказье.

Первоначально речь шла о том, что практически все, за очень редким исключением, участники наших экспедиций с конца 1980-х гг. стали постепенно втягиваться в изучение межэтнических отношений и конфликтов. С одной стороны, наш опыт работы в Закавказье, то есть личные впечатления и наблюдения, давали все основания для такого поворота в исследованиях, да и то, свидетелями чего нам невольно довелось побывать или о чем мы не раз слышали от своих информаторов из первых уст и по горячим следам событий, просто не позволяло оставаться равнодушным и ограничивать свои интересы классическими вопросами этнографии, демографии, психологии, антропологии, истории и т.п. С другой стороны, к нам постоянно обращались коллеги и знакомые за разъяснениями и комментариями происходивших в те годы в республиках Закавказья трагических событий. Естественно, все это заставляло нас попытаться всерьез разобраться самим в этих сложных и столь тогда актуальных научных вопросах.

По собственному и весьма показательному в данном отношении опыту могу сказать следующее. Еще до обострения карабахского конфликта сотрудники сектора этнической экологии - участники наших экспедиций подготовили Докладную записку по результатам исследований межэтнических отношений в молуканских и духоборче-

ских селениях Азербайджана². Во время полевых исследований по долгожительской тематике середины 1980-х гг. я несколько раз работал в сельских районах Нагорного Карабаха и окружающих его на востоке, севере и западе соседних районах Азербайджана. Поэтому мне в конце 1980-х гг., сначала волею руководства Института этнографии АН СССР и по личным просьбам коллег, пришлось несколько раз выступить на тему причин разворачивавшегося тогда карабахского конфликта на семинарах и небольших конференциях, а также подготовить авторскую и затем, несколько позднее, принять участие в работе над коллективной «докладной запиской» по этой проблематике³.

Надо сказать, что первоначально я вовсе не горел желанием серьезно заниматься этой проблематикой. Во-

² Козлов В.И. и др. «Современное положение русского населения в сельских районах Азербайджана». М.: Институт этнографии АН СССР, январь 1987 г., 0,6 а.л. [Докладная записка в ЦК КПСС].

³ Докладной запиской в поздний советский период назывался подготовленный одним или группой научных сотрудников документ, как правило на основе личных наблюдений в экспедициях, касающийся сложных и важных этносоциальных проблем в районах полевых работ и объясняющий их причины и возможные последствия. Докладная записка передавалась в Дирекцию Института, а оттуда - в вышестоящие инстанции (впрочем, не всегда или же в существенно переработанном виде). Главная же специфика этого жанра - его закрытый характер, в принципе не предполагающий опубликования, и потому докладные записки имели обычно весьма острое и правдивое содержание. В качестве примера можно указать на впоследствии опубликованный, благодаря политике «гласности» и распаду прежней системы организации науки и взаимоотношений ученых и власти, текст моей Докладной записки - см.: Ямсков А.Н. Нагорный Карабах: Анализ причин и путей решения межнационального конфликта // Национальные процессы в СССР. Ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 1991, с. 165-186

первых, из поездок по Закавказью я вынес чувство симпатии и признательности за неоднократно оказывавшиеся нам гостеприимство и помощь как к азербайджанцам (среди которых мне довелось работать чаще), так и к армянам, поэтому просто занять позицию одной из сторон я не мог. К тому же, помимо доброжелательного отношения к обоим народам, я вынес из поездок по русским селам Закавказья и понимание того, сколь сложно складываются отношения местных русских (небольшого меньшинства населения) как с азербайджанцами, так и с армянами. Так что распространенная среди демократической московской интеллигенции конца 1980-х гг. однозначно проармянская позиция, предполагавшая идеализацию этой и демонизацию другой (азербайджанской) стороны конфликта, была для меня неприемлема - ситуация в русских селах Армении, например, была не намного лучше, чем в Азербайджане. Например, жалобы молокан Армении на местные армянские районные или сельские власти почти полностью повторяли претензии армян Нагорно-Карабахской Автономной Области, обращенные к властям Азербайджанской ССР. Во-вторых, из доперестроечных лет я вынес стойкую антипатию к исследованиям «межнациональных отношений» и к бездоказательным панегирикам «дружбе советских народов», в обилии издававшимся тогда под видом научных работ как в Москве, так и в союзных республиках Закавказья.

Тем не менее и мне постепенно пришлось втянуться в проблематику этнополитических исследований, которые фактически в первой половине - середине 1990-х гг. вышли на первый план моих научных интересов и потому заняли уже основное рабочее время. То же самое, видимо, можно сказать и о многих других участниках описываемых экспедиций.

К тому же нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как огромное внимание зарубежных коллег и исследовательских центров в те годы постепенного распада СССР к подобной проблематике - ведь именно под этнополитические исследования в 1990-е гг. можно было легче всего получить грантовое финансирование со стороны иностранных научных фондов, и с такого рода докладами было проще всего попасть за рубеж на международные конференции с оплатой проезда и проживания за счет организаторов. Естественно, этой возможностью пользовались многие мои коллеги.

Опять-таки примером вышесказанного можно считать неоднократно упоминаемую мною поездку в 1992 г. на Северный Кавказ. Из-за занятости большинства сотрудников сектора этноэкологии другими делами, а также в силу иных соображений, отряд в тот раз изначально планировался небольшим по численности. Однако накануне выезда еще два сотрудника отказались от участия в этой работе, так что по сути экспедиционный отряд превратился в группу в составе всего двух человек - автора этих строк и Юлии Владимировны Ивановой. Впрочем, и Юлия Владимировна в той поездке успешно сочетала работу среди молокан с изучением понтийских греков, тоже перебиравшихся в те годы из Грузии к своим соплеменникам на Северный Кавказ. Кстати, впоследствии Ю.В. Иванова опубликовала несколько очень интересных этнополитических по направленности исследований о греках Грузии и Северного Кавказа, а я использовал материалы по Ставрополью и Северной Осетии в основном в публикациях по этноизбирательным миграциям населения.

Оглядываясь из сегодняшнего дня на прошедшие в 1980-е гг. экспедиции сектора этнической экологии, нельзя не признать их уникальность. Видимо, подобные прекрасные условия для комплексных полевых этнографических работ вряд ли будут когда-либо вновь созданы сразу для столь значительных групп исследователей со столь разными научными интересами и специализациями. Видимо, лишь в поздний советский период сложились эти условия - достаточные финансовые средства у государства (Академии Наук СССР) и, главное, готовность руководства тратить их на сбор фактических материалов по этноэкологии, этнографии, антропологии, исторической демографии и т.п., исследовательские кадры и система организации их работы, соответствующая материально-техническая база в академических институтах и Экспедиционной автобазе Академии Наук.

Кстати, после вспышки насилия в Закавказье и осознания того, что безопасных условий для полевых работ там более нет и еще долго не будет, мне довелось принять участие в поисках новых регионов исследований сектора этноэкологии. Так, мы пробовали развернуть сходный по замыслу проект комплексного (медико-биологического и социально-этнографического) изучения адаптации старожильческого русского крестьянства в Южной Сибири, проведя пилотные экспедиции в Горном Алтае и предгорных районах Алтайского края (август - сентябрь 1990 г.) и в Бурятии (июль - август 1991 г.). Однако серьезные фи-

нансовые проблемы и развернувшаяся смена приоритетов в исследованиях большинства этнологов не дали нам возможности продолжить эти полевые работы.

Как это ни печально признавать, вероятно, для большинства сотрудников экспедиционных отрядов сектора этнической экологии исследования абхазских и азербайджанских долгожителей и закавказских молокан и духоборцев так и останутся непревзойденным “Золотым веком” их полевых этнографических и антропологических работ.

Надеемся, что данная книга позволила читателю хотя бы отчасти окунуться в атмосферу тех экспедиций и получить некоторое представление о том, откуда же и в каких условиях появляются материалы полевых исследований - эта основа этнографических и антропологических знаний.

Примечание:

- * - По материалам этих экспедиций защищены кандидатские диссертации Н.И. Григулевич, В.В. Степанова, А.Н. Ямскова, кандидатская и докторская диссертации Н.М. Лебедевой. Среди основных публикаций можно выделить следующие: “Феномен долгожительства. Антрополого-этнографический аспект исследования”. М.: Наука, 1982, 240 с.; “Абхазское долгожительство”. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1987, 295 с.; “Долгожительство в Азербайджане”. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Наука, 1989, 184 с.; “Духоборцы и молокане в Закавказье”. Отв. ред.: В.И. Козлов, А.П. Павленко. М.: Институт этнологии и антропологии, 1992, 200 с.; “Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии”. М.: изд. Института этнографии АН СССР, 1990; Часть 1 - 168 с.; Часть 2 - 154

с. Редколлегия: В.И. Козлов (отв. ред.), Н.А. Дубова, А.П. Павленко; "Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы". Отв. ред. В.И. Козлов. М.: Институт этнологии и антропологии, 1995, 299 с.; Григулевич Н.И. "Этническая экология питания: Традиционная пища русских старожил и народов Закавказья". М.: Институт этнологии и антропологии, 1996, 164 с.; Григулевич Н.И. "Этно-экологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожил Армении" // Советская этнография, 1990, № 1, с. 114-125; Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. "Адаптация русских старожил в Азербайджане" // Советская этнография, 1989, № 5; Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. "Проблемы адаптации русских старожил в Азербайджане (середина XIX - XX вв.)" // Советская этнография, 1988, № 6, с. 34-49

